

Цюй И был повержен мечом Чжао Юня в первом же бою, а приведённое им войско почти полностью погибло.

Когда Юань Шао подоспел к месту сражения, ему осталось лишь предать земле тело Цюй И, в то время как Гунсунь Цзань уже затворился в Ицзине.

Придя в ярость, Юань Шао взял Ицзин в такое плотное кольцо осады, что сквозь него не просочилась бы и вода.

Гунсунь Цзань же, со своей стороны, принялся укреплять городские стены и свозить в закрома зерно.

Помимо этого, он приказал вырыть вдоль реки И более десятка рядов боевых рвов, а внутри них насыпать высокие земляные холмы высотой в пять-шесть чжанов и возвести на них укрепления.

Сколько бы раз Юань Шао ни шёл на приступ, всё было тщетно — он безуспешно простоял под стенами больше года, пока у него наконец не стали иссякать запасы продовольствия, и ему поневоле не пришлось отдать приказ об отступлении.

С наступлением лета погода в Ицзине сделалась точно в парилке, с каждым днём становилось всё жарче.

Сюй Лу, обнажив торс, обливался холодной водой во дворе и, заведя выходящего из комнаты насквозь промокшего от пота Го Цзя, бросился к нему:

— Господин, вы встали?

После того сражения годичной давности, когда Чжао Юнь прямо на поле боя зарубил Цюй И, сам Го Цзя рухнул без чувств там же.

У него и без того с рождения было слабое здоровье, а тут ещё смутное время и козни недоброжелателей.

Ради победы в той битве он истратил слишком много душевных сил.

Поэтому та болезнь затянулась добрых полгода.

Лишь в последнее время краски вернулись на его лицо, и он немного окреп.

В Ицзине не было толковых врачей, и Го Цзя приходилось самому составлять лекарственные

сборы, полагаясь исключительно на собственный опыт.

К счастью, как говорится, долгая болезнь делает человека врачом: пусть средство помогало медленно, но по крайней мере состояние не ухудшалось.

Сюй Лу теперь перерос Го Цзя на голову; из угловатого мальчишки он превратился в статного юношу.

Крепкое, мускулистое тело, смуглая сияющая кожа, юношеская незрелость на лице давно сменилась мужематерией, а густые брови делали его всё более похожим на Сюй Юна.

— Сюй Лу, — позвал его Го Цзя. — Ты вырос.

Сюй Лу потрепал себя по макушке и виновато усмехнулся:

— Господин, а вы совсем не изменились, даже капли не постарели.

Го Цзя невольно улыбнулся и наигранно рассердился:

— Разве я старый? С чего ты взял?

— Да-да-да! Господин всегда прекрасен. Ой!

Сюй Лу схватился за голову и бросился наутёк по двору, с размаху врезавшись в кого-то.

В сумерках проступили черты человека открытого и благородного: в его учтивой внешности сквозила суровая доблесть, а в непреклонности — непринуждённость.

Всё как при первой встрече, и в то же время — уже совсем иначе.

Го Цзя стоял на месте, и его персиковые глаза сияли, словно ночные звёзды.

Чжао Юнь быстрым шагом подошёл ближе и предложил:

— Сегодня праздник, давай прогуляемся?

— Хорошо.

— Я тоже пойду! — завопил Сюй Лу и бросился к ним.

У берегов реки И редко доводилось видеть столь толпятся людей.

Гунсунь Цзань годами держал оборону в Ицзине, и кроме приближённых посланцев никто и никогда не мог его увидеть.

Чжао Юнь то и дело слышал в войсках шуточки сослуживцев о том, что они, мол, пришли в армию воевать, а предводитель оказался настоящей черепахой, что прячет голову в панцирь и даже лица своего никому не показывает.

Сюй Лу заметил покачивающиеся на воде крошечные фонарики с фигурками из цветного воска.

— Братец Чжао, что сегодня за праздник?

На небе, где ночь ещё не до конца сменила день, серп луны и закатное солнце сияли рядом.

Багряные лучи заката ложились на гладь реки, выткая кольца переливчатой ряби.

Мимо них изредка проходили женщины, прикрывая рты ладонями и заливисто смеясь, удалялись прочь.

— Братец Чжао, та девушка только что улыбнулась мне!

Едва заметная полоска закатного света вдруг вспыхнула и погасла, и ночь сгустилась разом.

Усыпанное звёздами небо и ясная луна украсили небесный свод.

Го Цзя поднял голову и посмотрел на бесчисленные светила:

— Говорят, в день Циси все сороки на свете летят строить тот самый мост из птичьих крыльев.

— Он перевёл взгляд на Чжао Юня. — Цзылун, ты веришь в эту легенду?

Чжао Юнь ответил:

— Как бы далеко ни были друг от друга возлюбленные и сколько бы времени ни прошло, Пастух и Ткачиха всё равно встретятся вновь. В столь прекрасную легенду наверняка верят все влюбленные в поднебесной, иначе разве передавалась бы она из поколения в поколение тысячелетиями?

Го Цзя опустил взгляд:

— Неужели?

— Что, Фэнсяо не верит?

На губах Го Цзя появилась улыбка, в которой сквозила горькая нотка.

Цзя, конечно, верит, иначе как бы он перешагнул через Жёлтый Источник, пройдя сквозь круговорот смерти и жизни.

Они неспешно шли вдоль речного берега, а Сюй Лу то забегал вперёд, то отставал, подпрыгивая на ходу.

Вскоре Сюй Лу прибежал откуда-то сзади и затараторил:

— Братец Чжао, я тут коекого встретил, угадай кто?

Чжао Юнь:

— Не угадаю.

Сюй Лу торжествующе произнёс:

— Господин, а давайте вы угадаете.

Го Цзя:

— Четвертая госпожа.

Сюй Лу сник:

— Скучно. Господин всегда угадывает.

Чжао Юнь с улыбкой отвесил ему легкий щелчок по лбу:

— В Ицзине-то ты знаешь всего пару человек, хотя я сам тоже не догадался.

Го Цзя прищурился:

— Праздник Циси — она вряд ли упускает редкую возможность выйти в город.

Чжао Юнь кивнул и мимоходом притянул Го Цзя к себе, прикрывая от толпы, которая вихрем неслась мимо.

— Что происходит?

Внезапное смятение в толпе сменилось грохотом конских копыт; люди по обеим сторонам дороги, не успевая опомниться, в панике жались к краям.

В суматохе толпа оттолкнула Го Цзя, кругом замелькали перепуганные лица.

Го Цзя схватился за голову, чувствуя, как головокружение усиливается, а перед глазами всё расплывается от калейдоскопа мечущихся силуэтов.

— Ох!

Кто-то сзади сильно толкнул его, и Го Цзя качнулся.

В тот же миг его талию крепко обхватили, и он рухнул в знакомые объятия.

Прижав его к себе, Чжао Юнь тихо прошептал ему на ухо:

— Это люди полевого дуэлянта, Чэнь Куан поднял мятеж.

Го Цзя сейчас было не до того: он вскинул руки и вцепился в Чжао Юня, точно коала за ствол дерева, и хмуро бросил:

— Это ловушка господина Богуя, уходим немедленно!

— Что?

Не дожидаясь ответа, Го Цзя схватил Чжао Юня за руку и отчаянно ринулся сквозь толпу наружу.

Едва стихли последние слова, как со всех сторон из засады выскочили люди в простых одеждах, вытащили сверкающие клинки и плотно окружили конный отряд.

Впереди всех стоял Тянь Кай.

Тянь Кай словно невзначай бросил взгляд на то место, где только что стояли Чжао Юнь с товарищем.

А те двое уже свернули в тихий переулок.

Го Цзя, прислонившись к стене, тяжело дышал, а Чжао Юнь мягко похлопывал его по спине, помогая восстановить дыхание.

— Цзылун, на самом деле ты ведь и сам собирался выступить на стороне Чэнь Куана? — переведя дух, прямо спросил Го Цзя, прижавшись спиной к стене.

В мрачном и безлюдном переулке голос Го Цзя звучал жутковато и холодно.

Чжао Юнь смутился:

— Суй Лу прав, от тебя действительно ничего не утаишь, ха-ха.

Он уныло прислонился к стене рядом с ним и бесцветным голосом произнёс:

— С тех пор как господин заперся в Ицзине, мы пережили столько тягот, а теперь даже Фань Вэньюаня изгнали. Поэтому...

— Поэтому вы решили поднять восстание? — в упор глядя на него, спросил Го Цзя.

— Не восстание, а...

— Как бы вы это ни назвали, в его глазах это бунт.

— Фэнсяо... — жалобно позвал Чжао Юнь.

Го Цзя вздохнул:

— Ты хотел, чтобы я встретился с Чэнь Куаном? И при этом не хотел вызывать подозрений в резиденции?

— Да.

— Кхе-кхе-кхе... — то ли от злости, то ли от ночного ветра Го Цзя зашелся таким жестоким кашлем, что перепуганный Чжао Юнь заметался.

— Цзылун, неужели ты думал, что господин Богуй не ведал обо всём этом? Когда Суй Лу упомянул, что видел Гунсунь Вань, у меня уже закрались сомнения. Разве мог кто-нибудь из его жён и детей выбраться из этой тюрьмы? И дело не в празднике Циси — даже в Новый год

такого не случилось. Гунсунь Вань — всего лишь прикрытие.

Чжао Юнь изумлённо переспросил:

— Ты хочешь сказать, что князь использовал Гунсунь Вань, чтобы запустить шпионов?

— Верно. Поэтому сегодня ночью любой, кто контактировал с Чэнь Куаном, наверняка не ускользнул от его глаз.

Чжао Юнь вздрогнул от неожиданности.

Пока Чжао Юнь был в растерянности, Го Цзя вытянул из его ножен Юаньхун и полоснул себя по предплечью.

— Ты что творишь?!

С лязгом Чжао Юнь выбил меч из его рук, но рукав Го Цзя уже расцвел кровавым пятном.

— Всё в порядке, Цзылун, выслушай меня...

Дыхание Го Цзя согревало шею Чжао Юня.

Чжао Юнь прижал его руку и всем сердцем вник в его слова.

Плёт!

Выслушав до конца, Чжао Юнь отвесил себе звонкую пощёчину.

Плёт!

И тут же ударил себя с другой стороны.

— Цзылун...

Но Чжао Юнь вдруг крепко обнял его и пробормотал:

— Фэнсяо, прости меня...

Го Цзя помедлил секунду, а затем положил руку ему на спину.

Фэнсяо, прости меня...

На следующий день Гунсунь Цзань неожиданно созвал всех воинов до единого.

Зачинщик бунта Чэнь Куан был крепко-накрепко скручен по рукам и ногам на земле: весь в крови, в разорванных одеждах, покрытых перекрещивающимися полосами свежих рубцов от кнута.

Ледяным взглядом Гунсунь Цзань окинул собравшихся; в этом злобном взоре не изменилось ничего.

— Назови мне поименно всех своих сообщников, и я позволю тебе умереть с целым телом.

Чэнь Куан сжал губы и молчал.

— Говори! — взревел Гунсунь Цзань.

Чэнь Куан уткнулся лбом в землю:

— Куан никогда не помышлял о мятеже! Я лишь хотел, чтобы господин прислушался к нашим словам и прекратил творить эти грязные, незаконные дела!

— Что ты называешь беззаконием?!

— Господин изнуряет народ, насыпая холмы и горы, и грабит крестьянские амбары, порождая всеобщее озлобление. Вы приказали женщинам упражняться в зычных криках для передачи вестей. Господин, разве всё это подобает мудрому правителю?!

Заливаясь слезами, кричал Чэнь Куан, а остальные молчали, опустив головы.

— Дерзко! Слишком дерзко!

Гунсунь Цзань пнул стол, опрокидывая его, и, тыча пальцем в Чэнь Куана, позеленел от злости:

— Уволочь его! Обезглавить! Срубить голову!

— Господин!

Чэнь Куана волокли по земле всю дорогу, и его надрывный крик не смолкал до самого конца.

Потом — оборвался разом.

Не остыв от гнева, Гунсунь Цзань принялся поочередно расправляться с теми, кто минувшей ночью был замешан в заговоре вместе с Чэнь Куаном.

— Чжао Цзилун.

Чжао Юнь вздрогнул и сделал два шага вперед:

— Я здесь.

Гунсунь Цзань задавал вопросы, Чжао Юнь отвечал, и в его словах, как ни старался тот придраться, не было ни единой бреши, ни малейшего изъяна.

— Ты утверждаешь, что генерал Тянь вчера не ошибся и ты действительно виделся с Чэнь Куаном?

— Да.

Гунсунь Цзань шагнул ближе:

— И встретился с ним потому, что он ранил Го Фэнсяо?

Чжао Юнь встретился с ним взглядом и твёрдо произнёс:

— Да.

Гунсунь Цзань прищурился, выражая сомнение:

— Выходит, Го Фэнсяо ранен?

— Да.

— Эй там, позовите ко мне Го Фэнсяо.

Военный лекарь в страхе простерся на земле:

— Господин, эта рана действительно нанесена мечом, и она свежая.

Го Цзя стоял рядом; рана на руке пульсировала тупой болью, а после недавней тряски он отчётливо почувствовал, как кровь под повязкой снова заструилась по коже.

Гунсунь Цзань смягчил тон и обратился к Го Цзя:

— Раз Фэнсяо ранен, ступай отдыхать.

Го Цзя откланялся и поспешно удалился, глядя прямо перед собой, точно так же, как и пришёл.

В ту ночь Чжао Юнь стоял у дверей комнаты Го Цзя, безучастно глядя на колышущуюся за бумажными окнами тень: свет светильника то вспыхивал, то гас.

Он сидел на пороге, прикладываясь к кувшинам с вином, но как назло, его голова была слишком крепкой: он пил до самого рассвета, но так и не смог напиться допьяна.

Когда совсем рассвело, за дверью раздался глухой стук, и, отворив её, Го Цзя увидел лишь разбитый вдребезги глиняный кувшин.

В тот день Чжао Юнь подал Гунсунь Цзаню прошение об отставке, мотивируя это кончиной старшего брата на родине и желанием сложить с себя полномочия, чтобы вернуться в родные края.

Фэнсяо, если бы я не был этим военачальником, если бы я остался лишь простым деревенским пастухом, согласился бы ты вернуться со мной в Чаншань?

Мы знакомы столько лет, но ты отдал мне все силы и душу без остатка, и я чувствую себя перед тобой в долгу. Теперь я распрощался с господином, и что ждёт меня впереди — неизвестно: быть может, скитания, быть может, изгнание.

Всё, что я могу пообещать тебе — пока жив я сам, я буду защищать тебя.

Фэнсяо, согласишься ли ты пойти со мной?

Всё это Чжао Юнь собирался сказать Го Цзя, но...

Летом третьего года правления Сянь-ди Юань Шао вернулся во главе новой армии и подступил к Ицзину.

Чжао Юнь в спешке получил приказ выступить вместе с Гунсунь Сюем в горы Хэйшань на поиски подкрепления к Чжан Яню.

<http://bllate.org/book/19191/1884814>